

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПОЛЯ В СОВЕТСКОЙ КИРГИЗИИ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ

Айтпаева Г.А., доктор филологических наук

CHANGES IN THE STRUCTURE OF THE LITERARY FIELD IN SOVIET KYRGYZSTAN DURING THE PERESTROIKA PERIOD

Aitpaeva G. A.

Введение. В данной статье к рассмотрению предлагается идея о том, что разнородность современной кыргызской литературы в основе своей была сформирована в 1985–1991 гг. В новейшей истории эти годы известны как время перестройки¹. Я предполагаю, что именно в годы перестройки в Кыргызстане началось такое взаимодействие «поля литературы» и «поля власти», которое стало влиять не только на состояние художественной литературы, но и на строение самого общества. Для развития и доказательства предлагаемой идеи я использую теорию поля, предложенную французским ученым Пьером Бурдьё. Полями Бурдьё называет социальные пространства, «в которые помещены агенты, принимающие участие в культурном производстве»². Бурдьё выделяет литературное, артистическое, научное, философское и другие поля.

Начало перестройки: кыргызская литература внутри «поля власти». Пьер Бурдьё утверждал, что «поля культурного производства занимают политически и экономически подчи-

ненную позицию в поле власти»³. До сих пор трудно найти специализированные работы, которые бы изучали экономический аспект развития кыргызской советской литературы. Впервые факт прямой связи между художественной литературой и экономикой стал очевиден в годы перестройки, когда в СССР возник бум «толстых журналов»⁴, а в республике колоссально возросли тиражи журнала «Литературный Кыргызстан»⁵.

В кыргызском литературоведении о связи производства литературы с экономикой заговорили в начале 2000-х гг. так же на основе процессов периода перестройки. Автор учебника «История кыргызской литературы двадцатого века» («XX кылымдагы кыргыз адабиятынын тарыхы») профессор Качкынбай Артыкбаев сетует: «Ухудшилась работа творческих союзов, писатели больше не могли выпускать написанные произведения. Открылась дорога для появления халтуры, изданий, претендующих считаться книгами. Авторы, у кого есть деньги или богатые родственники, платили

и начали выпускать нечто книгоподобное. Таким образом, во внимание перестали приниматься высокие идейно-эстетические требования, которые предъявлялись художественной литературе. Наступило время самоуправления посредственности или творчески бездарного человека, у которого были деньги»⁶.

Как видим, вопрос о связи литературы и экономики впервые возник не на уровне анализа объективных процессов и закономерностей, а в виде реакции на кризисную ситуацию конца 1980-х гг. И реакция эта появилась в форме сетований и сожалений, похожих по содержанию и стилистике на «жалобы» и «плач», которые описала Нэнси Рис в «Русских разговорах»⁷. Намного позже, в 2012 г., профессор Ибраимов заметил: «Самым существенным ущербом литературному процессу в Кыргызстане 1980-х гг. было снятие с государственной дотации газет и журналов, таких как «Ала-Тоо», «Литературный Кыргызстан» и еженедельник «Кыргызстан маданияты» из-за экономического кризиса»⁸.

То, что Бурдые назвал «позицией политической подчиненности», может быть сформулировано иначе, в более привычном и узнаваемом для нашего контекста виде, – следование принципам социалистического реализма. Известный кыргызский литературовед Кеңешбек Асаналиев утверждал: «То, что конформизм, существование в приспособлении к идеологическому диктату является основным достоинством и качеством, внутренней природой литерату-

ры социалистического реализма, ни для кого не было секретом. Противостояние ему, инакомыслие, попытки отличиться никому и в голову не приходили. Художественная литература выстраивалась точно на том же принципе иерархии и субординации, на котором была построена верховная власть; тот, кто быстрее и плотнее приближался к власти и политике, получал соответствующую славу и его творческое признание возрастало и усиливалось. Не что-то другое – само художественное произведение взвешивалось и оценивалось на основе того же принципа»⁹. На основе анализа взаимоотношений известных кыргызских писателей, а также билингвизма в творчестве Чингиза Айтматова, Кеңешбек Асаналиев показал конкретные механизмы и примеры политической зависимости кыргызской литературы¹⁰.

Отношения власти к литературе как «макрокосмоса» к «микрокосмосу», которое описал Бурдые, первичность власти и вторичность литературы можно зримо наблюдать, перелистывая страницы любого учебника по истории кыргызской литературы, изданного в советский и ранний постсоветский периоды: сначала идет детальное описание общественно-политической ситуации, съездов и других собраний КПСС и только потом – описание литературных процессов.

Бурдые предложил следующую формулу расчета автономности культуры от власти: «Степень автономности поля производства культуры зависит от того, насколько внешний (гетерономный) принцип ие-

рархизации подчинен внутреннему (автономному) принципу иерархизации»¹¹. Согласно этой формуле, на начальном этапе перестройки, в 1985–1987 гг., кыргызская литература не обладала никакой автономностью и не владела механизмами воздействия на власть. В этой связи важным становится вопрос: как в годы перестройки «поле литературы» отреагировало на изменения в «поле власти»?

Публичное противостояние полей власти и литературы. 1986 год отмечен несколькими крупными событиями, которые, без сомнения, сигнализировали о переменах в литературном поле Советской Киргизии. Три из них связаны с именем выдающегося кыргызского писателя Чингиза Айтматова. Весной 1986 г. Чингиз Айтматов стал председателем Союза писателей Кыргызской ССР. Летом, в июне 1986 г. журнал «Новый мир» начал публикацию романа «Плаха». Осенью, в октябре Чингиз Айтматов организовал событие, вошедшее в историю как «Иссык-кульский форум»¹².

VIII съезд Союза писателей Кыргызской ССР, который состоялся в июне 1986 г., – ключевое мероприятие периода перестройки. Союз писателей СССР был инстанцией литературной власти и инструментом политического управления¹³. Союз писателей Кыргызской ССР не был исключением из правил и так же контролировал развитие литературы и был подотчетен власти¹⁴. Ко времени перестройки Чингиз Айтматов был уже всемирно известным прозаиком, народным писателем Кир-

гизской ССР, Героем Социалистического Труда, академиком Академии наук Кыргызской ССР¹⁵. При этом, в республике отношение к нему как со стороны власти, так и некоторых коллег по перу было очень неоднозначным¹⁶. Писатель Казат Акматов в своих воспоминаниях факт появления Чингиза Айтматова на посту Председателя Союза Писателей напрямую связывает с отставкой первого секретаря ЦК Компартии Кыргызской ССР

Т. Усубалиева: «Только после ухода из власти Т. Усубалиева Ч. Айтматов занял свое законное место председателя Союза писателей республики»¹⁷. Тема взаимосвязи между уходом самого влиятельного «человека власти» и приходом самого известного за пределами республики писателя несколько раз возникала в наших интервью с деятелями культуры старше 50 лет. Кстати, на вопрос, был ли Чингиз Айтматов тогда назначен или выбран, главный редактор журнала «Литературный Кыргызстан», писатель Александр Иванов ответил: «Во всяком случае, я не помню широких выборов. Это ведь как было: выбрали того, кого назначали»¹⁸. Однако утверждать, что председательство всемирно известного писателя Чингиза Айтматова мгновенно усилило позиции литературы в отношении власти и увеличило ее автономию, безосновательно. VIII съезд Союза писателей Кыргызской ССР стал одной из первых арен публичного противостояния лидеров литературы против лидеров власти. Основоположник кыргызской советской лите-

ратуры, или, согласно Бурдые, один из главных «агентов» литературного поля, Түгөлбай Сыдыкбеков выступил с открытой критикой компартии. По воспоминаниям очевидцев, Сыдыкбеков в течение часа делал такие заявления, как «материнский язык стал высохшим родником», «наша история – изошренная ложь», «наша культура – невыстоянный напиток, лишенный национальной заправки»¹⁹. Особое внимание патриарх уделил несправедливой критике и репрессиям против мастеров слова, писавших на историческую тему. На следующий же день, вспоминая в интервью Казат Акматов, раздался звонок из ЦК КПСС. Его, как одного из секретарей Союза писателей, обязали разобраться и провести воспитательную работу с «националистом Сыдыкбековым»²⁰.

На основе таких событий, как назначение Ч. Айтматова и характер дискуссии на VIII съезде Союза писателей Киргизской ССР, можно утверждать, что в 1986–1988 гг. в республике началось публичное противостояние и открытая борьба полей власти и литературы. С одной стороны, писатели и литераторы республики на волне новой политики, исходившей из Москвы, требовали права на свободу творчества. И, прежде всего, права на принципиально новое исследование и освещение национальной истории. С другой стороны, Абсамат Масалиев, ставший в 1986 г. первым секретарем ЦК КПСС Киргизии, активно участвовал в жестком контроле и воспитании литераторов и литературных инстанций, нарушающих идеологические

нормы коммунистической партии. Он непосредственно давал указания заставить патриарха кыргызской литературы Т. Сыдыкбекова признать свои ошибки, читал произведения запрещенных авторов и не видел причин для их реабилитации²¹.

Перемены в поле кыргызской литературы. Возвращение в 1988 г. в кыргызскую литературу двух строго запрещенных в советский период деятелей – поэта Молдо Кылыча (1866–1917) и поэта, ученого, общественного деятеля Касыма Тыныстанова (1901–1938) можно рассматривать как первую победу деятелей литературы и культуры над властью.

Рассмотрение вопроса о реабилитации творчества Молдо Кылыча и Касыма Тыныстанова длилось на протяжении двух лет, с 1986 по 1988 г. Молдо Кылыч был обвинен в том, что, являясь выходцем из аристократии, выражал «буржуазно-националистическую идеологию»²². Тыныстанова обвинили в «протаскивании контрреволюционных, буржуазно-националистических идей алаш-орды»²³. Поводом для возникновения острой общественной дискуссии стала статья Кеңешбека Асаналиева. Ученый считал, что творчество Молдо Кылыча и Касыма Тыныстанова должно войти в новую версию «Истории кыргызской советской литературы»²⁴. Осенью 1986 г. была создана республиканская комиссия для изучения творчества этих писателей. В ноябре 1986 г. комиссия во главе с Чингизом Айтматовым представила свое заключение на рассмотрение расширенного заседания специалистов в Академии Наук

Киргизской ССР. Но в начале 1987 г. против заключения профессионалов выступил партийный лидер Абсамат Масалиев²⁵. Эта ситуация периода перестройки демонстрирует классический для советской системы подход: представитель власти решает судьбу литературных произведений.

Однако в центре, в Москве, перестройка набирала силу. В рядах республиканской партии чиновники среднего звена осмеливались на инакомыслие²⁶. В итоге, в 1988 г. была создана новая, теперь уже всесоюзная комиссия, в которую вошли местные и московские литературоведы. Прецедент с Молдо Кылычем и Касымом Тыныстановым стал в определенном смысле спусковым крючком. После положительного решения этого вопроса в киргизскую литературу стали возвращаться произведения забытой, умалчиваемой, вытесненной и другой мало или совсем неизвестной литературы²⁷.

Этот случай показывает, как в годы перестройки менялась диспозиция полей власти и литературы. В литературное поле прорывались или изнутри прорастали новые темы, жанры, формы. Они меняли структуру литературного поля. Согласно теории Бурдьё: «Структура поля – это структура распределения разновидностей капитала (или власти), обладание которыми приносит специфические выгоды»²⁸. До перестройки основным выгодным капиталом была тема строительства социалистического общества в разных вариациях.

Однако если изучить сводный библиографический указатель «Киргиз-

ская книга» (Кыргыз китеби) с 1986 по 1990 г.²⁹, то можно явственно увидеть перемены в поле киргизской литературы. Принципиальное отличие структуры литературного поля данного периода заключается в его идеологической и тематической неоднородности. Здесь возникают и соседствуют разные виды капитала, и границы этого разнообразия простираются от сборников поэта Токтогула Сатылганова «Какая женщина породила Ленина» до сборника «Мурас», в котором напечатаны прежде строго запрещенные поэты-заманисты и поэты-муллы³⁰.

Заключение: предчувствие 21 века. В период перестройки менялась позиция литературного поля внутри «поля власти»: возростала степень автономности и самоорганизации «поля литературы», кристаллизовались концепции, которые преодолевали властные режимы. Природа творческого мышления позволила киргизским писателям раньше историков и других интеллектуалов преодолеть стандарты и принципы советского воспроизводства идей.

Изменение идеологических диспозиций власти и литературы вело к изменению внутреннего строения литературного поля. Это период, когда, говоря словами Бурдьё, «свобода и дерзость входят как объективная потенция, или даже как необходимость, в специфический конструктивный принцип поля». Свобода и дерзость литераторов расшатывали жестко закрепленные системные связи и конфигурация поля менялась, его тематическая однородность

распадалась. В литературу входили новые виды капитала, в первую очередь, в виде тем по эпосу «Манас» и древней национальной истории. При этом прежние связи и приоритеты были еще в силе и активном действии. Иначе говоря, в литературе периода перестройки создалась ситуация разнообразия и множества возможностей. Именно неоднородность, широта и сосуществование идеологически взаимоисключающих произведений составляет неповторимую уникальность «поля литературы» периода перестройки.

Переломный момент истории оказался глубоко и тонко прочувствованным и осознанным именно литературой на историческую тему. До политологов и политтехнологов, до историков и историографов, литература создала первые модели в области национального возрождения и строительства. Именно в «поле литературы» начался процесс «возрождения» и «актуализации» тра-

диций самого разного типа. Здесь впервые возникли нарративы, которые позже стали главными дискурсами независимого общества. Те модели и конструкции, которые были выкристаллизованы в литературе на кыргызском языке, стали привлекательны для политиков и общественных деятелей.

Именно в период перестройки началось такое взаимодействие полей литературы и власти, которое изменило не только структуру литературного поля, но и структуру самой власти. Поэтому вряд ли будет преувеличением утверждать, что кыргызская литература периода перестройки выполнила одновременно кристаллизующую и социологизирующую функции. И заложила основы национального мифотворчества, которое активно практикуется в литературе, политике, истории и многих других сферах жизни современного Кыргызстана.

Сведения об авторе: Айтпаева Гульнара Амановна, доктор филологических наук, и. о. профессора, Культурно-исследовательский центр Айгине (Киргизская Республика, г. Бишкек), e-mail: aitgul@yahoo.com.

Аннотация: Многообразие поля современной кыргызской литературы зародилось в 1985–1991 гг. Новое разнообразие кыргызской литературы времен перестройки отражало ключевые тенденции, нарождавшиеся в обществе, и в дальнейшем само способствовало трансформации общества. Литература периода перестройки первой ввела в общественное пространство темы строительства нации и государства и стала символическим капиталом перестроечного времени.

Ключевые слова: кыргызская литература, перестройка, эпос «Манас».

Abstract: The article argues that the diversity of the modern literary field had been founded back in 1985–1991. The new variety of Kyrgyz literature in the time of Perestroika reflected the key trends, newly emerging in the society, and in turn contributed to the transformation of the society. This literature was first to bring into a public space the themes of nation and state building and became a symbolic capital during perestroika.

Key words: the field of Kyrgyz literature, perestroika, the epic «Manas».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Ибраимов О. И. История кыргызской литературы XX века. – Бишкек: Издательство КРСУ, 2014. С. 418–421.
- 2 Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. № 45. 2000. С. 25
- 3 Там же. С. 26.
- 4 Интервью с Ивановым А. И., главным редактором журнала «Литературный Кыргызстан» (1984–2020). Личный архив.
- 5 Там же.
- 6 Артыкбаев К. А. Кайра куруу жана капитализмге өтүү мезгилиндеги кыргыз адабияты (XX кылымдын аягындагы адабият) [Кыргызская литература периода перестройки и перехода к капитализму. (Литература конца XX века)]. – Бишкек, 2004. С. 570.
- 7 Ries N. Russian Talk. Culture and Conversation during Perestroika. – Ithaca, London: Cornell University Press, 1997. P. 83–125. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://goo.gl/3qL9i7> (дата обращения май 2013 г.).
- 8 Ибраимов О. И. История кыргызской литературы XX века. – Бишкек: Издательство КРСУ, 2014. С. 424.
- 9 Асаналиев К. А. Чингиз Айтматов: Кечез жана бүгүн (Кош тилдүү чыгармачылык жана көркөм ойлоо маселеси) [Чингиз Айтматов вчера и сегодня (Проблемы двуязычного творчества и художественного мышления)]. – Бишкек: Шам, 1995. С. 63.
- 10 Там же. С. 57–85.
- 11 Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. № 45. 2000. С. 26.
- 12 Горшков Н. М., Марченко Н. И. Ыссык-Кульский форум [Иссык-Кульский форум]. – Фрунзе: Кыргызстан, 1987. С. 61–64; Ибраимов О. И. История кыргызской литературы XX века. – Бишкек: Издательство КРСУ, 2014. С. 463–467.
- 13 Константинова М. Ж. Перемены в русском литературном поле во время и после перестройки (1985–1995). 2009. С. 54–57. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdl.handle.net/11245> (дата обращения апрель 2014 г.); Вахтель Э. Оставаясь актуальным после коммунизма: роль писателя в Восточной Европе. – Чикаго: Издательство Чикагского университета, 2006. С. 33–39.
- 14 Асаналиев К. А. Чингиз Айтматов: Кечез жана бүгүн (Кош тилдүү чыгармачылык жана көркөм ойлоо маселеси) [Чингиз Айтматов вчера и сегодня (Проблемы двуязычного творчества и художественного мышления)]. – Бишкек: Шам, 1995. С. 42–48; Артыкбаев К. А. Кайра куруу жана капитализмге өтүү мезгилиндеги кыргыз адабияты (XX кылымдын аягындагы адабият) [Кыргызская литература периода перестройки и перехода к капитализму. (Литература конца XX века)]. – Бишкек, 2004. С. 256–262.
- 15 Акматалиев А. А. Чингиз Айтматов: Человек и Вселенная. – Бишкек: Илим, 2013. С. 50–51.
- 16 Асаналиев К. А. Чингиз Айтматов: Кечез жана бүгүн (Кош тилдүү чыгармачылык жана көркөм ойлоо маселеси) [Чингиз Айтматов вчера и сегодня (Проблемы двуязычного творчества и художественного мышления)]. – Бишкек: Шам, 1995. С. 60–63; Артыкбаев К. А. Кайра куруу жана капитализмге өтүү мезгилиндеги кыргыз адабияты (XX кылымдын аягындагы адабият) [Кыргызская литература периода перестройки и перехода к капитализму. (Литература конца XX века)]. – Бишкек, 2004. С. 562–563.
- 17 Акматов К. А. Окуялар, адамдар (Миң бир күн) [Истории и люди (Тысяча и один день)]. – Фрунзе, 1998. С. 49.
- 18 Ибраимов О. И. История кыргызской литературы XX века. – Бишкек: Издательство КРСУ, 2014. С. 418–425.
- 19 Там же. С. 48–53.
- 20 Там же. С. 51; Ибраимов О. И. История кыргызской литературы XX века. – Бишкек: Издательство КРСУ, 2014. С. 422.
- 21 Акматов К. А. Окуялар, адамдар (Миң бир күн) [Истории и люди (Тысяча и один день)]. – Фрунзе, 1998. С. 52; Артыкбаев К. А. Кайра куруу жана капитализмге өтүү мезгилиндеги кыргыз адабияты (XX кылымдын аягындагы адабият) [Кыргызская литература периода перестройки и перехода к капитализму. (Литература конца XX века)]. – Бишкек, 2004. С. 557; Ибраимов О. И. История кыргызской литературы XX века. – Бишкек: Издательство КРСУ, 2014. С. 421.
- 22 Эркебаев А. Э. Малоизученные страницы истории киргизской литературы. – Бишкек: JEKA, 1999. С. 159.

- 23 Судьба эпоса «Манас после Октября. Сборник документов / Ред. Т. А. Абдыкадыров, С. С. Жумалиев.– Бишкек: Мурас, 1995. С. 6.
- 24 Дятленко П. И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954–1999).– Бишкек: Gold Print, 2010. С. 191–192; Ибраимов О. И. История кыргызской литературы XX века.– Бишкек: Издательство КРСУ, 2014. С. 421.
- 25 Артыкбаев К. А. Кайра куруу жана капитализмге өтүү мезгилиндеги кыргыз адабияты (XX кылымдын аягындагы адабият) [Кыргызская литература периода перестройки и перехода к капитализму. (Литература конца XX века)].– Бишкек, 2004. С. 557.
- 26 Акматов К. А. Окуялар, адамдар (Миң бир күн) [Истории и люди (Тысяча и один день)].– Фрунзе, 1998. С. 46.
- 27 Эркебаев А. Э. Малоизученные страницы истории киргизской литературы.– Бишкек: JEKA, 1999. С. 82–198.
- 28 Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. № 45. 2000. С. 40.
- 29 Кыргыз Китеби [Кыргызская книга]. Т. 82: Көркөм адабият [Фантастика. Литературоведение] / Ред. Г. Ж. Жумабекова, С. А. Жумакадырова, Т. Ж. Асанбекова.– Бишкек: Expres-Print, 2010. С. 515–610.
- 30 Мурас [Наследие] / Ред. М. К. Абдылдаев.– Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 444 с.